

лом; *золото* для черных целей; черное средство для черной цели. И потому — уже не философский камень алхимиков, а золотой телец, «желтый дьявол», голый чистоган. Точно схваченная алхимическая мифология пресуществления = оборотничества, вырванная из исторического контекста, сама трансмутируется в иную мифологию — золото-деньги капиталистического мира стяжаний, «братания невозможностей» в мире мнимых ценностей, корысти и чистогана, населенном отчужденными людьми, когда *«все чернейшее становится белейшим»*. И тогда *Шекспирово золото* — в отличие от алхимического — и в самом деле «не предполагает человека как человека». Маркс не ограничивается только *Шекспировым* образом почти капиталистического *золота*. *«Фауст»* Гёте (XVIII век):

...Когда куплю я шесть коней лихих,
То все их силы — не мои ли?
Я мчусь, как будто б ног таких
Две дюжины даны мне были!²⁷

Это слова *Мefистofеля*. Золотой идол, «кумир телец златой», металл, за который «гибнут люди», осуществляет по видимости алхимическую трансмутацию немощного двуногого существа в мощного скакуна. Вместе с тем это квазитрансмутация, ибо немощь так и остается немощью. Это превращение — мнимос; мнимоалхимическое. Это тонко отмечает Маркс: «... разве мои деньги не превращают всякую мою немощь в ее прямую противоположность?» И далее: деньги «являются *средством разъединения*», они же — и *«связующее средство... они... химическая сила общества»*²⁸. Опять-таки *золото* в новые времена — мнимый преобразователь одного в другое. Раннекапиталистические социальные значимости не есть общественные отношения европейского средневековья, ибо эти последние вырваны из контекста производственных отношений собственной эпохи. *Золото* как материальный символ новой формации противостоит новой духовности обманных общественных отношений в мире мнимых капиталистических ценностей. Собственно христианские ценности отринуты. Они обветшали, поблекли. Стало быть, алхимическое *золото*, материальный объект средневековых адептов, служит иным, неалхимическим, целям. Но, служа иным целям, это новое *золото* и как средство выглядит иным. Оно осуществляет мнимую трансмутацию. Что же до алхимических целительных *эликсиров*, бескорыстнейших чайний алхимиков, то они низводятся восемнадцатым веком либо до собственной противоположности — смертельных ядов (от невежества), либо до знахарского полушарлатанства. В том же *«Фаусте»* (часть I, сцена «У ворот») доктор *Фауст* так рассказывает *Вагнеру* о своем отце-алхимике:

²⁷ Там же, с. 617.

²⁸ Там же, с. 618.